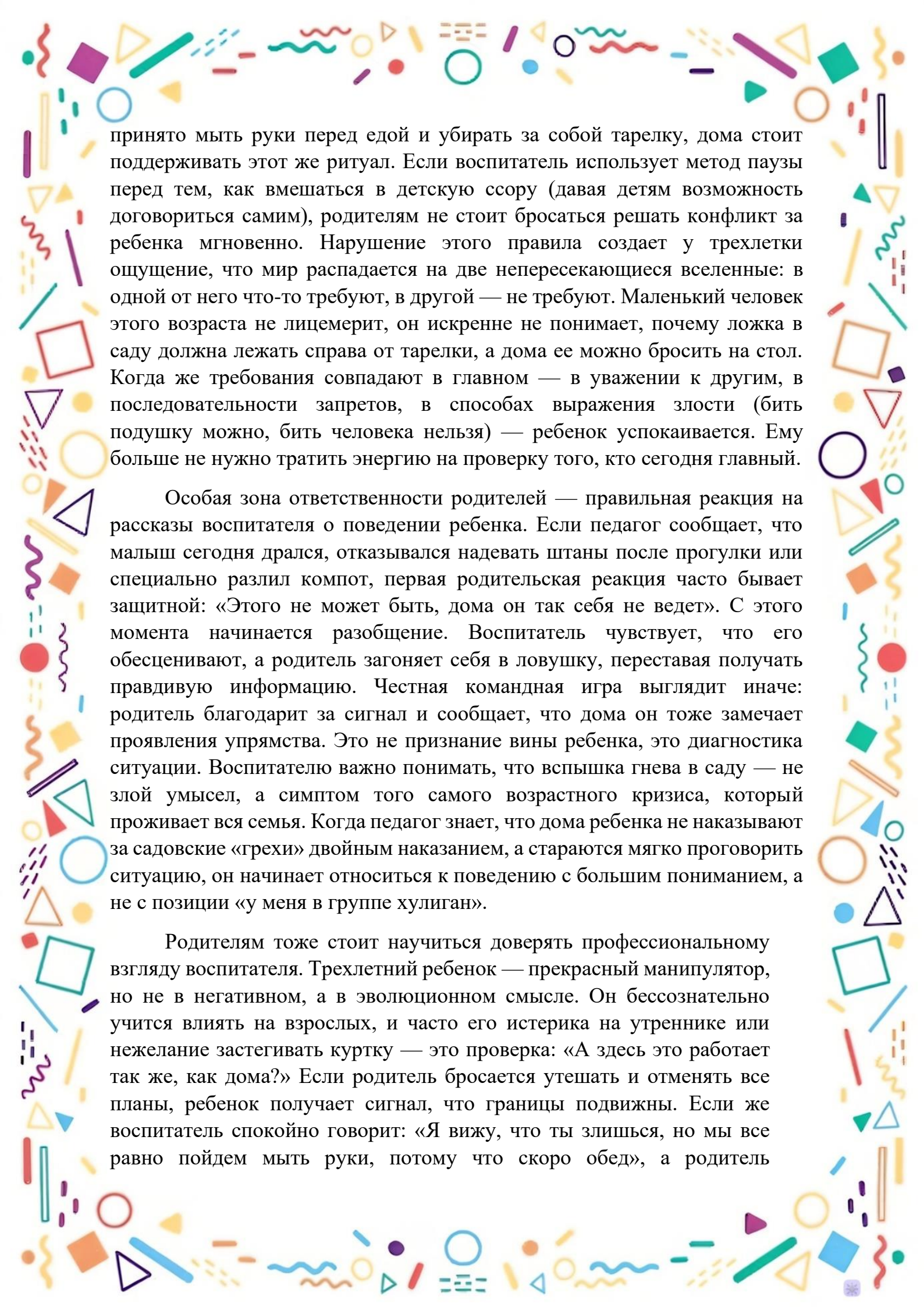

Кризис 3 лет в стенах сада: как воспитатели и родители могут быть в одной команде

Возраст трех лет часто называют рубежом, на котором из послушного и покладистого малыша вдруг вырастает маленький бунтарь. Родители замечают, что еще вчера спокойный ребенок начинает протестовать по любому поводу: он отказывается заходить в группу, сбрасывает одежду, которую ему помогли надеть, и слышит в ответ на просьбы твердое «нет». В психологии этот этап называют кризисом трех лет, и на самом деле он означает не крах воспитания, а рождение личности. Сложность в том, что этот кризис не остается за порогом дома — он в полной мере проявляется и в детском саду, где на смену домашним правилам приходят групповые режим и требования. И вот здесь у взрослых возникает закономерный вопрос: как действовать, когда один и тот же ребенок дома крушит все запреты, а в саду, по словам воспитателя, ведет себя сносно, или наоборот — дома он ангел, а в группе устраивает истерики на ровном месте.

Чтобы понять механизм командной работы, нужно признать главное: кризис трех лет — это не проблема ребенка, а временная реструктуризация его отношений с миром. Малыш впервые начинает ощущать себя отдельным человеком, у которого есть собственные желания, не совпадающие с желаниями взрослых. В домашней обстановке он часто проверяет границы на родителях, потому что чувствует себя в безопасности и знает слабые места мамы или папы. В саду же он попадает в среду с четкими и едиными для всех правилами. Воспитатель не может позволить себе эмоциональных качелей, которые иногда возникают дома, — он действует по алгоритму, и для ребенка это является одновременно стрессом и опорой. Конфликт возникает тогда, когда требования дома и сада диаметрально противоположны. Например, если дома малышу разрешают бросать игрушки на пол, а в саду требуют убирать их в коробку, его психика тратит колоссальные ресурсы на переключение между этими двумя реальностями, что выливается в истерики на утреннем расставании или вечером дома.

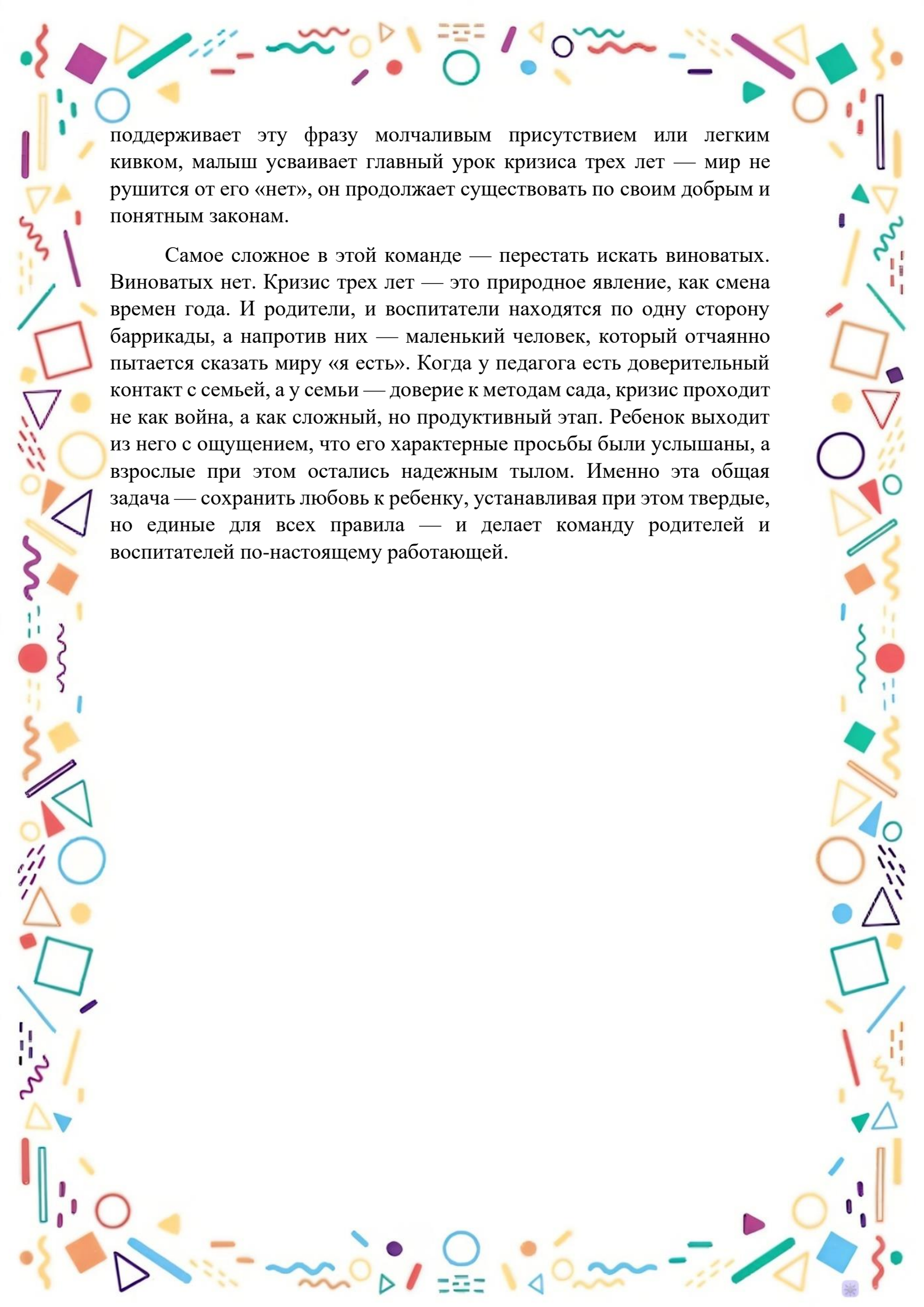
Эффективная команда между родителями и воспитателями строится на принципе единых требований к базовым вещам. Речь не идет о тотальном контроле и запрете на любые домашние поблажки. Речь о согласовании границ, которые нельзя пересекать нигде. Если в саду

принято мыть руки перед едой и убирать за собой тарелку, дома стоит поддерживать этот же ритуал. Если воспитатель использует метод паузы перед тем, как вмешаться в детскую ссору (давая детям возможность договориться самим), родителям не стоит бросаться решать конфликт за ребенка мгновенно. Нарушение этого правила создает у трехлетки ощущение, что мир распадается на две непересекающиеся вселенные: в одной от него что-то требуют, в другой — не требуют. Маленький человек этого возраста не лицемерит, он искренне не понимает, почему ложка в саду должна лежать справа от тарелки, а дома ее можно бросить на стол. Когда же требования совпадают в главном — в уважении к другим, в последовательности запретов, в способах выражения злости (бить подушку можно, бить человека нельзя) — ребенок успокаивается. Ему больше не нужно тратить энергию на проверку того, кто сегодня главный.

Особая зона ответственности родителей — правильная реакция на рассказы воспитателя о поведении ребенка. Если педагог сообщает, что малыш сегодня дрался, отказывался надевать штаны после прогулки или специально разлил компот, первая родительская реакция часто бывает защитной: «Этого не может быть, дома он так себя не ведет». С этого момента начинается разобщение. Воспитатель чувствует, что его обесценивают, а родитель загоняет себя в ловушку, переставая получать правдивую информацию. Честная командная игра выглядит иначе: родитель благодарит за сигнал и сообщает, что дома он тоже замечает проявления упрямства. Это не признание вины ребенка, это диагностика ситуации. Воспитателю важно понимать, что вспышка гнева в саду — не злой умысел, а симптом того самого возрастного кризиса, который проживает вся семья. Когда педагог знает, что дома ребенка не наказывают за садовые «грехи» двойным наказанием, а стараются мягко проговорить ситуацию, он начинает относиться к поведению с большим пониманием, а не с позиции «у меня в группе хулиган».

Родителям тоже стоит научиться доверять профессиональному взгляду воспитателя. Трехлетний ребенок — прекрасный манипулятор, но не в негативном, а в эволюционном смысле. Он бессознательно учится влиять на взрослых, и часто его истерика на утреннике или нежелание застегивать куртку — это проверка: «А здесь это работает так же, как дома?» Если родитель бросается утешать и отменять все планы, ребенок получает сигнал, что границы подвижны. Если же воспитатель спокойно говорит: «Я вижу, что ты злишься, но мы все равно пойдем мыть руки, потому что скоро обед», а родитель

поддерживает эту фразу молчаливым присутствием или легким кивком, малыш усваивает главный урок кризиса трех лет — мир не рухнет от его «нет», он продолжает существовать по своим добрым и понятным законам.

Самое сложное в этой команде — перестать искать виноватых. Виноватых нет. Кризис трех лет — это природное явление, как смена времен года. И родители, и воспитатели находятся по одну сторону баррикады, а напротив них — маленький человек, который отчаянно пытается сказать миру «я есть». Когда у педагога есть доверительный контакт с семьей, а у семьи — доверие к методам сада, кризис проходит не как война, а как сложный, но продуктивный этап. Ребенок выходит из него с ощущением, что его характерные просьбы были услышаны, а взрослые при этом остались надежным тылом. Именно эта общая задача — сохранить любовь к ребенку, устанавливая при этом твердые, но единые для всех правила — и делает команду родителей и воспитателей по-настоящему работающей.